

Olena Jaworśka
(*Odessa, Ukraina*)

**РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ КНИГАХ
К. ПАУСТОВСКОГО «НАЧАЛО НЕВЕДОМОГО ВЕКА»
И «ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ОЖИДАНИЙ»**

Одесский миф в литературе возникает с первых дней существования города. В его создании участвовали и крестьяне (народная песня «А в Одесі добре жити. Мішком хліба не носити, на панщину не ходити...»), и купцы (Ш. Сикар «Письма об Одессе») и князья (И. Долгорукий Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда»). Смешение народов, языков, обычаев создает совершенно особую, необычную для России почву для появления одесского языка, одесского образа мыслей, и как следствие, одесской литературы. Процесс этот растянут во времени.

Среди многих прозаических и стихотворных описаний Одессы как первой половины, так и всего XIX века наиболее значима, бесспорно, одесская часть «Путешествия Евгения Онегина». По словам Василия Туманского, опубликовавшего главу в газете «Одесский вестник»:

«мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин твое описание Одессы, оно принадлежит нам по праву, ибо в нем заключается *грамота на бессмертие* для нашего города»¹

Вторая грамота на бессмертие, но уже не для Одессы, а для одесской литературной школы 1920-х годов, была выдана спустя сто с лишним лет, во второй половине XX века. Один из героев книги писал об авторе в 1925:

Душевым и чистым голосом подпевает им Паустовский, попавший на Пересыпь, к мельнице Вайнштейна, и необыкновенно трогательно притворяющийся, что он в тропиках. Впрочем, и притворяться нечего. Наша Пересыпь, я думаю, лучше тропиков.²

Именно Константин Паустовский своей книгой «Время больших ожиданий» (1959) подтвердил пушкинскую «грамоту на бессмертие». До

¹ Туманский В. И. Письмо Пушкину А. С., 20 (?) апреля 1827 г. Одесса // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 13. – М.; Л.: 1937. – С. 327–328.

² Бабель И. В Одессе каждый юноша...

этого долгое время книги об Одессе не появлялись. Последней можно назвать «Зеленый фургон» Александра Козачинского (1938). Опубликованная в 1948 повесть Валентина Катаева «Катакомбы» подверглась резкой критике.

После расстрела Исаака Бабеля в 1940 г., последовавшего в 1947 посмертного осуждения книг Ильи Ильфа и Евгения Петрова, объявленной в 1948 борьбы с космополитизмом одесская литературная школа, громко заявившая о себе в конце двадцатых годов и, с легкой руки Виктора Шкловского, названная «юго-западной», находилась под негласным, но очевидным запретом.

Ситуация немного изменилась после двадцатого съезда КПСС, с началом оттепели. Начали переиздавать ранее запрещенные книги. Вначале – «12 стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова в 1956. Год спустя, в 1957 вышла книга Бабеля «Избранное» (правда, ставшая практически недоступной рядовому читателю). Тем не менее, представления о писателях-одесситах и колорите города у советских читателей тех лет не было. Именно поэтому такой интерес вызвала публикация четвертой книги автобиографического цикла «Повесть о жизни» Константина Паустовского «Время больших ожиданий».

Работу над «Повестью о жизни». Паустовский начал вскоре после войны. В 1946 была опубликована первая книга – «Далекие годы», в 1954 – «Беспокойная юность», в 1956 – «Начало неведомого века».

Появление четвертой повести в печати было сопряжено с трудностями. Первоначально она была отдана (как и три предыдущие) журналу «Новый мир», имевшему репутацию наиболее либерального, и, бесспорно, самого популярного в конце 1950-х-60-х годов. Но возникли затруднения – Александр Твардовский, редактор «Нового мира» потребовал существенных правок:

Да, Вы внесли некоторые изменения в текст повести, кое-что опустили, кое-что даже вписали, например, странички, призванные разъяснить особое положение Одессы в 20-21 гг. Так, Вы, объясняя «тишину» и, так сказать, свое право пользоваться благами этой «тишины», сообщаете, что наступила она вследствие ухода рабочей части населения города на северные фронты и деревню от голода. Словом, ушли, нету их, нет необходимости их описывать. (...) Но дело, конечно, не в этом, а в том, что внесенные Вами исправления нимало не меняют общего духа, настроения и смысла вещи. По-прежнему в ней нет мотивов труда, борьбы и политики, по-прежнему в ней есть поэтическое одиночество, море и всяческие красоты природы, самоценность искусства, понимаемого очень, на наш взгляд, ограниченно, последние могикане старой и разные шелкоперы новой прессы. Одесса, взятая с анекдотически-экзотической стороны.

Не может не вызывать по-прежнему возражений угол зрения на представителей «литературных кругов»: Бабель, апологетически

распространенный на добрую четверть повести, юродствующий графоман Шенгели в пробковом шлеме, которого Вы стремитесь представить как некоего рыцаря поэзии; Багрицкий – трогательно-придураковатый, – Вы не заметили, как это получилось, – придураковатый стихолоб и т. п.

И главное, во всем – так сказать, пафос безответственного, в сущности, глубоко эгоистического «существовательства», обывательской, простите, гордыни, коей плевать на «мировую историю» с высоты своего созерцательского, «надзвездного» единения с вечностью. (...)

Таким образом, Константин Георгиевич, эта «доработка» не позволяет нам считать рукопись пригодной для опубликования в журнале, – если бы мы это сделали, мы навлекли бы на Вас тяжкие (и, увы, справедливые!) нападки критики (...) Мы хотели следующих конкретных авторских «вмешательств» в изложение:

1) Несколько добрых, не формальных слов о людях труда, налаживающих новую жизнь в Одессе после ухода белых;

2) Решительного сокращения апологетического рассказа о Бабеле, который, поверьте, не является для всех тем «божеством», каким он был для литературного кружка одесситов;

3) Снятия истории с публикацией в «Моряке» (...) Вот и все, примерно, дорогой Константин Георгиевич. Мы искренне хотим быть понятыми правильно, мы хотим напечатать Вашу вещь, имея в виду и вообще интерес читателя ко всему, что принадлежит Вашему перу, и, в частности, интерес журнала, который никак не хотел бы утратить и в данном затруднительном случае контакт с таким автором, каким являетесь Вы.³

Паустовский ответил письмом в несвойственно резкой ему манере:

Я обещал Вам «прополоть» рукопись (до возможного для меня предела), что и сделал, а не в корне «перепахать» ее. (...) Я никому не обещал и не брался писать эту повесть о труде. Этой теме посвящены другие части эпопеи. (...)

В книге, по-Вашему, показаны разные «щелкоперы новой прессы». Такое заявление более пристало гоголевскому городничему, чем редакции передового журнала. Щелкоперов нет! Есть люди. Люди во всем разнообразии их качеств, и незачем клеить на них унижительные ярлыки. У какого-нибудь одесского репортера может быть больше душевного благородства, чему Вас, сомнительных учителей жизни.

Что касается Бабеля, то я считал, считаю и буду считать его очень талантливым писателем и обнажаю голову перед жестокой и бессмысленной его гибелью, как равно и перед гибелью многих других прекрасных наших писателей и поэтов, независимо от их национальности. Если редакция «Нового мира» думает иначе, то это дело ее совести.⁴

³ Твардовский А. *Письма о литературе. 1930-1970*. Москва 1985, с.145-146.

⁴ Паустовский К. *Собрание сочинений в 9 т. Т. 9. Письма 1915-1968*, Москва 1986, с. 351-353.

В результате «Время больших ожиданий» годом позже, в 1959, опубликовал журнал «Октябрь» в №№ 3-5.

Книга вернула читателю имена. Бабеля, Эдуарда Багрицкого, забытого и не печатавшегося с 1939 Георгия Шенгели, расстрелянного Владимира Нарбута, напомнила о забытом очаровании Одессы, характере, поведении, языке одесситов. Для одесситов книга эта стала, в прямом смысле слова настольной – усилился интерес к прошлому, многие стали серьезно изучать историю города, находить адреса и людей, упомянутых Паустовским. Именно эти упоминания реальных людей и событий привели к тому, что повесть, как и весь цикл, зачастую как читателями, так и литературоведами, воспринимается как автобиография. Это непростительная ошибка.

Хоть Паустовский перед началом работы, в июле 1957 просил своего одесского друга, сотрудника газеты «Моряк» Якова Кравцова прислать ему копии публикаций в газете 1922 года⁵, тем не менее, многие события книги не соответствуют действительности. Более того, сохранившиеся дневники 1920 года по настроению прямо противоположны проникнутому оптимизмом «Времени больших ожиданий».

Обратимся к главным несоответствиям происходящего в одесской части цикла реальной биографии Паустовского и историческими событиями.

1.

Начало неведомого века, глава «О фиринке, водопроводе и мелких опасностях»

Однажды я шел вечером из типографии к себе на Черноморскую с петроградским журналистом Яковом Лифшицем. Бездомный Лифшиц стал третьим жильцом санатория Ландесмана⁶.

Долгое время Я. Лившиц считался литературным персонажем. Даже известный исследователь одесских страниц биографии Паустовского краевед Ростислав Александров считал:

Что же касается ...экспансивного журналиста Яши Лившиц, то этот колоритный персонаж ... является, скорее всего, плодом творческого воображения автора ил, в крайнем случае, имеет отдаленный прототип⁷.

⁵ Паустовский К. *Время больших ожиданий. Рассказы дневники, письма*. Одесса 2012, с. 458. Далее цитируется по этому изданию.

⁶ Там же, с. 45.

⁷ Александров Р. *Прогулки по литературной Одессе*. Одесса 1993, с. 171.

В действительности Яков Борисович Лившиц лицо реальное. Его анкета и фотография сохранились в личном деле сотрудника Опродкомгуба. Вопросов в анкете было не 120, как писал Паустовский, а всего 25.

Лившиц – мещанин г. Колыссы Могилевской губернии, ему 38 лет, женат, получил высшее образование. Статистик, журналист, юрист. Отец умер, мать-старуха работает на огороде в Петрограде. Ни в старой, ни в красной армии не служил. Работал земским статистиком, писал во многих петербургских, киевских, московских газетах. Состоял членом союза писателей и союза журналистов в Петрограде. Уехал из Петрограда, получив 18 сентября 1918 право свободного выезда из города, с апреля 1919 жил в Житомире, был правозащитником при Житомирском ревтрибунале и товарищем председателя следственной комиссии по делу о погроме. Не избежал превратностей гражданской войны:

Сидел в киевской контрразведке, никакого обвинения предъявить мне не успели в виду эвакуации⁸

Паспорт предъявить не могу, так как он был у меня отобран вместе с другими документами при аресте меня Киевской контр-разведкой.⁹

Паустовский и Лившиц приезжают в Одессу в декабре 1919, с женами. Это подтверждают дневниковые записи Паустовского 19-20 годов

В анкете сотрудников Опродкомгуба оба указывают адрес Черноморская. Но Лившиц живет в доме № 18, а у Паустовского в анкете – Черноморская, 21.

Первой женой Паустовского была Екатерина Загорская – «Хатидже» в повести «Романтики», Леля в «Беспокойной юности», «Крол» – в дневнике.

На известном снимке редакции газеты «Моряк» на шхуне «Мальвина» Екатерина рядом с мужем. Она жила в Одессе до февраля 1922, затем, вскоре после отъезда Паустовского из Одессы, переехала к нему в Сухуми. Во время работы над повестью писатель был женат в третий раз, на Татьяне Евтеевой.

2.

Время больших ожиданий, глава «Предки Остапа Бендера»

Кто здесь заведующий столь замечательным отделом? Кажется, товарищ Головчинер Ве Эль? Он здесь?

– Да, это я, – осторожно ответил Володя.

⁸ ГАОО, Р 1253, оп.2, д. 2885, л. 4.

⁹ ГАОО, Р 1253, оп.2, д. 2885, л. 1.

История создания информационного отдела, описанная в повести, порой воспринимается как реальная. Так, Сергей Белоконь пишет:

«Например, в автобиографическом рассказе К. Паустовского «Предки Остапа Бендера» [ошибка автора, это название главы повести –А. Я.] речь идет о том, как в 1920 году в Одессе несколько совсем молодых местных авантюристов (В. Головчинер, Я. Лифшиц и др.) проникли в группу людей, формировавших «Опродкомгуб». Сняв одну из комнат и повесив на двери вывеску «Информационный отдел», они стали исполнять некоторые обязанности, которые для руководства оказались даже... полезными.¹⁰

Фонд Опродкомгуба и анкеты сотрудников сохранились в ГАОО. Из приказов следует, что в действительности Лившиц был принят на работу 14 февраля 1920 (напомню, Красная армия вошла в Одессу 8 февраля) на должность секретаря статистико-экономического отдела.. Штатный список информационно-издательского отдела Опродкомгуба выглядит так: зав. отделом В.И. Даин (зачислен 16 февраля), с 17 февраля работают секретарь А.И. Гюдь-Назарянц, помощник секретаря Паустовский, заведующий внутренней информацией К.И. Ковальский, заведующий столом газетный вырезок А.А. Полянский, с 24 февраля переводчик на украинский Е.Д. Нестеренко, с 1 марта машинистка 1 разряда А.В. Дьяченко и лишь 2 марта в приказе появляется Владимир Головчинер, занявший должность техника множительной аппаратуры.¹¹

В списках сотрудников Опродкомгуба Торелли («организатор» создания информационного отдела) вообще не числится. Соответственно, и покаяния перед начальником в действительности не было.

– Я ждал этой исповеди, – сказал он, – но, признаться, несколько позже. Я все знаю. Нельзя сказать, чтобы я был восхищен вашей выдумкой, – она лежит слишком близко от криминала. Но поскольку это изобрели не вы, а тот маленький человек с плохой итальянской фамилией, то на вас нет особой вины¹²

3.

Время больших ожиданий, глава «день мирного восстания»

Однажды мне нездоровилось. Я не пошел в Опродкомгуб и до вечера пролежал у себя в дворницкой. Стояла поздняя весна. Цвели каштаны, и над морем взошел затуманенный месяц (...)

¹⁰ Белоконь С. *Социальный портрет чекистов* www.pseudology.org.

¹¹ ГАОО, р1253, оп.1, д. 33, л. 33 об.

¹² Паустовский К. *Время больших ожиданий*, с. 86.

Я прочел приказ Одесского губисполкома о том, что в целях экспроприации у имущих классов богатств, являющихся отныне народным достоянием, в Одессе объявляется «День мирного восстания».

В этот день у всех без исключения граждан будут отобраны излишки вещей и продовольствия, кроме самых необходимых, указанных в списке.

Я посмотрел этот список. Там было напечатано: «Оставить в пользовании каждого гражданина комплект верхней носильной одежды, комплект белья, пару ботинок (кроме сапог), головной убор» и так далее, вплоть до «одной ложки столовой и одной чайной, ножа, вилки, кружки, самой необходимой посуды для варки пищи и ста граммов сахара».¹³

В действительности «мирное восстание» производилось большевиками не весной 1920, а 13 мая 1919.

объявляется учет имущества в городском районе, ограниченном улицами Белинского,

Старопортофранковской, Новорыбной и Приморской с целью изъятия у имущих классов

продовольствия, обуви, платья, белья, денег, драгоценностей и всего прочего, необходимого всему

трудовому народу (...) специальными рабочими командами.¹⁴

В то время Паустовский был в Киеве, но документы и события он описал достаточно точно. Так, в приказе о реквизируемых вещах указано:

а) Обувь: сапоги отбираются, ботинки остаются только те, которые находятся на ногах у владельцев.¹⁵

Реакция горожан тоже описана явно со слов очевидцев. Сравним:

От безумия и страха тысячи людей металась из стороны в сторону (...) в некоторых рабочих кварталах интеллигенции удалось кое-что скрыть. Рабочие, возмущенные открытым грабежом советской власти, брали на хранение вещи буржуев, будучи уверены, что регистрационная карточка профессионального союза предохранит их от обысков.¹⁶

В повести не сказано о прекращении «мирного восстания» – в городе начались вооруженные столкновения и комендант города Домбровский издал приказ:

¹³ Там же, 113, 116-117.

¹⁴ Нагилев Л. *Черная книга: очерки об одесском большевизме. / Где обрывается Россия*, Одесса 2003, с. 275.

¹⁵ Нагилев Л. *Черная книга...*, с. 275.

¹⁶ Там же, с. 275-276.

По постановлению Президиума Исполкома приказываю немедленно приостановить все обыски и реквизиции, назначенные на сегодня в связи с днем «мирного восстания. Контролерам приказываю немедленно прекратить обыски и явиться в штаб «мирного восстания»¹⁷

Это наиболее значимые из расхождений.

Необходимо отметить, что текст первой публикации отличается от последующих изданий. Кроме естественной литературной правки исчезли отдельные, очень выразительные фразы. Восстановленный текст был опубликован в издании, подготовленном Одесским литературным музеем к 120-летию Константина Паустовского (составитель А. Яворская).

Приведу наиболее яркие места, восстановленные при переиздании книги (выделены курсивом).

Глава «Предки Остапа Бендера»

Февральский день 1920 года во время пронзительного норда денкиницы бежали из Одессы, послав напоследок в город несколько шрапнелей. Они лопнули в небе с жидким звоном. *Тотчас у многих мнительных одесситов пропала всякая уверенность в завтрашнем дне.*¹⁸

Глава «Блокада»

В Одессу революция принесла с собой не только сложившиеся на севере формы государственности и быта, но и привела на черноморский юг новых людей, воспитанных революционной бурей и чуждых *веселому* практическому опыту обывателя-одессита.(...)

Ночь наливалась тишиной. Я долго вслушивался в эту грядущую тишину и улавливал иногда далекий звук пушечного выстрела. Это французская канонерка «Ля Скарп» обстреливала каждую ночь Очаков. *По этому обстрелу можно было ставить часы.* Веская тишина и перебаты пушечного гула означали блокаду.¹⁹

Какие же еще были в Одессе блокадные приметы? Был голод. Маленький кусок черствого кукурузного хлеба и десяток абрикосов считали вполне достаточной пищей.²⁰

Гробы несли на руках портовые рабочие. За ними шли с винтовками, опущенными дулами к земле, *низенькие* и загорелые итальянские матросы. *Потом легко прошли безоружные французы в беретах с красными помпонами, греки в белых нарядных гетрах, и, наконец, долговязые англичане в широченных, как юбки, брюках и темных форменках. Брюки у них хлопали на ветру, отбивая шаг*²¹

¹⁷ Приказ 13 мая 1919 г. Листовка. Фонды ОЛМ.

¹⁸ Паустовский К. *Время больших ожиданий*, с. 65.

¹⁹ Паустовский К. *Время больших ожиданий*.. с. 67.

²⁰ Там же, с. 103.

²¹ Там же, с. 106.

Глава «Хитросплетение обстоятельств»

Корпус высадился в Марселе и промаршировал через Париж перед восхищенными француженками, осыпавшими офицеров и солдат цветами. Президент республики принял парад русских войск около Триумфальной арки. Солдаты прошли перед президентом с заливчатой песней: Чубарики-чубчики, горе не беда!

*Этим, по существу, все и окончилось. Французское командование не спешило отправлять русских на фронт. Оно не хотело делить возможный успех с «русскими медведями».*²²

Глава «Австрийский пляж»

Я воспринял и запомнил те грозные годы вместе со многими своими сверстниками как великую и неоспоримую надежду. *Это ощущение отодвигало в сторону и зеленых сыпнотифозных – их тогда навалом вывозили в бараки – и трупную вонь из подъездов, и воющих без слез женщин, молящих о хлебе для своих детей.*²³

Глава «Глицериновое мыло»

«До начала работы в «Моряке» оставалось всего несколько дней. Я прожил их беззаботно, *стараясь уверить себя, что я родился на пороге золотого века, и дыхание этого века якобы дошло уже до Одессы.*

Глава «Мопассанов я вам гарантирую»

В сцене убийства Цудечкиса в журнальном варианте упоминается не Пятирубель, а Мишка Япончик, которого ниже Паустовский называет Беней Криком. Можно выдвинуть ряд предположений: автору напомнили, что Япончик погиб в 1919, а Бабеля в то время в Одессе не было. Или: в рассказе Бабеля о наводчике Цудечкисе «Справедливость в скобках» (который Паустовский практически пересказывает в этой главе) Бенья Крик не убил старика.

И Бабель бежал, содрогаясь от хриплых воплей тети Хавы. Она призывала проклятия на голову *Мишки Япончика* и всех, кто, по ее соображениям, был замешан в убийстве Циреса. (...) – *Чтоб ты опился, Бенцион* (она называла *Мишку Япончика* *его настоящим* именем), водкой с крысиной отравой и сдох бы на блевотине!²⁴

²² Там же, с. 110.

²³ Там же, с. 127.

²⁴ Паустовский К. *Время больших ожиданий*, с. 209.

*Никто, кроме Бени Крика или его людей, не смог бы этого сделать. Бенья никогда не прощал обмана: он считался хранителем молдавской морали.*²⁵

Глава «Мнимая смерть художника Костанди».

По словам старожиллов, дочери художника Кириака Костанди, недовольные описанием отца, написали письмо Паустовскому. В следующих изданиях этот эпизод был изменен.

В позднем варианте повести машинистка Люсьена (Мальвина Хинсон, впоследствии жена художника Михаила Синявского) говорит о Костанди:

Потом пришла Люсьена, ахнула, узнав, что умер Костанди, и сказала: Такой был чудный старик и вдруг умер. А все эти бугаи, вроде Кынти, всякие жулики-рамолики живут.²⁶

Сравним:

Потом пришла Люсьена, ахнула, узнав, что умер Костанди, и сказала:

– Такой был здоровущий полнокровный старик, весь лиловый, как баклажан, просто бугай – и вдруг умер.²⁷

Описание реакции Костанди на некролог и его поведение в редакции, в дальнейшем снятое:

Вскоре в редакцию примчался репортер Аренберг и, сияя от внутренней газетной сенсации, сообщил, что Крупник прямо из «Моряка» двинул в «Известия» и подсунил им некролог с теми же крокодиловыми слезами, какие он проливал у нас в редакции. Лева на всякий случай решил застраховаться.

*А днем в редакцию «Известий» ворвался разъяренный Костанди. Он долго не мог выговорить ни слова: от негодования он лишился дара речи и последних сил. Но сил ему, правда, хватило на то, чтобы в течение получаса молча бить своей тяжелой сучковатой палкой по комплектам старых газет, сваленных на стол в кабинете редактора. Костанди был родом грек и отличался вспыльчивостью. Говорили, что от избиения старых комплектов поднялась такая пыль, что она реяла вместе со старой бумагой в редакции до самого вечера.*²⁸

²⁵ Там же, с. 211.

²⁶ Паустовский К. *Время больших ожиданий. Повести, дневники, письма В 2 т. Т.1.* Нижний Новгород, 2002, с. 135.

²⁷ Паустовский К. *Время больших ожиданий. Рассказы дневники, письма.* Одесса 2012, с. 179-180.

²⁸ Там же, с. 185.

В этой же главе изменения связаны и с характеристикой и высказываниями Коли Хаджаева (Николай Харджиев):

В это время пришел наш корректор Коля Хаджаев, юный студент Новороссийского университета, знаток левой живописи и поэзии, *ярый защитник футуристов и поклонник Велемира Хлебникова и Осипа Мандельштама*²⁹.

Эта правка явно связана с вмешательством цензуры, но еще несколько изменений – описание и высказывания Коли – скорее всего, сделаны автором.

Говоря о своих идейных противниках, он *громко фыркал, страстно морщился* и, по всей видимости, испытывал физическую тошноту

О Костанди:

Коля почернел от негодования. – Как можно так швыряться словом «художник»! Он всю жизнь держался за протертые штаны передвижников. *Можно взбеситься от скуки от каждого его мазка*. Не говорите мне о нем!

О Репине:

– Старый чудак, *обожравшийся сеном!* – сказал Коля о Репине

В последующих изданиях – обьевишийся.

После публикации в «Октябре» Паустовскому пришло много писем из Одессы в которых, кроме восхищения и благодарности, указывали на неточности и ошибки – от авторства песни «Ужасно шумно в доме Шнеерзона» (Паустовский ошибочно приписал ее Ядову, в следующих изданиях назван подлинный автор – Мирон Ямпольский), до неточности в морской терминологии.

В Одессе повесть вышла в издательстве «Маяк» в 1961 году и, несмотря на тираж в сто тысяч, была раскуплена в считанные часы. В 1977 тот же «Маяк» издает книгу «Время больших ожиданий. Повесть, рассказы». В 2008 издательство «Оптимум» под одной обложкой опубликовало повесть и часть одесских дневников 1920 года. Последнее издание – упоминавшаяся выше книга «Время больших ожиданий. Рассказы, дневники, письма» 2012, объединившее впервые две части дневников Паустовского.

Из дневника 1920 года:

²⁹ Там же, с. 180-181.

октябрь – ноябрь 1920 года

22. На службе гнусно. Едва досиживаю до трех часов.

(...)

25 (...)Смерть Гартенштейна, – от тоски. Несколько дней ничего не ел.

Похороны. (...) Обмывание на

кладбище. Драка канторов. Торг как на базаре.

Омерзительно. Ой, Лейбе-Ицко. Встретили арестованных – около двух тысяч.

(...)

22/XI. Мутные, свинцовые дни. Был Сергей Петрович. Спал несколько дней в бараках – обовшивел.

Около 6 часов вечера неожиданный и сильный орудийный огонь. Никто не знает – что это. Тяжелый

гром в [нрзб.], направленный в яркую ржавчину парк.

У батюшки умер ребенок.

Именины Крола. Хризантемы. В холодных комнатах.³⁰

Зима, 1921 год

Мальвина с помятым лицом. «Южный транспорт». В типографию. Дикая ночь. Снег. (...)

Первый № «Моряка». В типографии. Чай. Благов – приказы. (...) Боцман Яков и его ужасная жена.

Масляная. У Ивановых (...) Кронштадтское восстание. Растерянность среди коммунистов. Папаша

Кривоходкин. «Не так ревно, як его жинка». (...) В редакции весело. Сценки с Ивановым. (...)

Стурдзовская церковь. Монастырь. Разговенье. Цакни. (...)У Иванова – банкет. Вино. У Головчинеров

на Базарной. (...)Мобилизация журналистов. Проводы. (...) Тепло, цветет акация. История с речью

Ленина³¹

В этой части дневника записи отрывочные, упоминаются, как говорилось выше, люди, которые станут впоследствии героями его повестей: Мальвина (Люсьена), Иванов (редактор «Моряка»), Головчинер; батюшка, о котором говорится с сочувствием, превратится в попарасстригу Просвирняка. Узнаваемы эпизоды, описанные во «Времени больших ожиданий» - похороны, речь Ленина.

Вторая часть – скорее, литературная. Повторяются эпизоды из первой части дневника, но не просто сухая запись, а подробное описание – как, например, похороны Гартенштейна. Но в большей степени не перечень фактов, а попытка осмыслить происходящее, ощущение беспомощности и безнадежности.

³⁰ Паустовский К. *Время больших ожиданий...* с. 404-406.

³¹ Там же, с. 407.

Когда кончилась гражданская война и началось «мирное строительство» («фронт труда») – все сразу увидели, что «король голый» и вся сила его – только в войне, в разрушительной энергии злобы, в ужасе, в махновцах, одетых в колпаки из старых красных и зеленых портьер. Чтобы создавать – нужна свободная душа и детские пальцы, а не прокисший ум, изъеденный, как молью, партийной программой и трехлетним озлоблением. Они – искалеченные, но не огнем, а тлением, распадом, неудачливостью. Вся страна превращена в аракчеевские поселения.

Началась новая эпоха – прикармливание интеллигенции, профессоров, художников, литераторов. На горьком хлебе, напитанном кровью, должно быть, они создадут какой-то нудный лепет – «великое искусство пролетариата, классово-ненависти». Должны создать. Положение к тому обязывает. Чека им крикнуло «пиль», и они покорно пошли, поджав облезлый от голода хвост. Голгофа. Предсмертная пена на губах такого тонкого, сверкавшего, заворожившего все души искусства. Кто из них потом повесится, как Иуда на высохшей осине? Кто однажды продал душу? Господи, да минет меня чаша сия³².

Последние слова звучат молитвой, Паустовский, вопреки всему, сохранил свою душу. И одно из доказательств этого – самое известная из его произведений «Время больших ожиданий».

Библиография

- Александров Р. *Прогулки по литературной Одессе*. – Одесса, 1993.
- Нагилев Л. *Черная книга: очерки об одесском большевизме. / Где обрывается Россия*, Одесса 2003, с.275.
- Паустовский К. *Время больших ожиданий. Рассказы, дневники, письма*. – Одесса, 2012.
- Паустовский К. *Собрание сочинений в 9 т. Т. 9. Письма 1915–1968* - Москва, 1986.
- Твардовский А. *Письма о литературе. 1930-1970*. Москва 1985, С.145-146.
- Туманский В. И. *Письмо Пушкину А. С., 20 (?) апреля 1827 г.* Одесса // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 13.– М.; Л.: 1937. – С. 327-328.

³² Паустовский К. *Время больших ожиданий...* с. 414.

Olena Yavorska

**REALITY AND FICTION IN K. PAUSTOVSKY'S
AUTOBIOGRAPHICAL WORKS *THE BEGINNING OF THE UNFAMILIAR CENTURY*
AND *THE TIME OF GREAT EXPECTATIONS***

Summary

The so-called „Odessa literary myth” had been shaped by representatives of different strata since the foundation of the city. The Odessa fragment from the *Eugeny Onegin's Adventure* (*Puteshestvie Evgeniya Onegina*), the XIX century's most prominent piece of writing, was claimed by V. Tumanovsky to be „the deed for our city's immortality”.

Paustovsky's book – his own deed for immortality of Odessa literature of the 1920s – came into light after many years of Odessa literary school being consigned to oblivion (Babel's execution, posthumous condemnation of Ilf and Petrov's works, the campaign against cosmopolitanism). The publishing procedure was not easy either: A. Tvardovsky, „Noviy Mir's” editor-in-chief, demanded that the fragments on Babel and Bagritsky be shortened and the labour, struggle and politics motives be added. Paustovsky refused to obey and so the story was only published in the 3 - 5 issues of the journal „Okt'abr” in 1959. Many readers and even scholars take the book for an autobiography which is wrong due to the 3 discrepancies. 1. Paustovsky and Yakov Livshiz didn't live in one and the same house on Chernomorskaya but in different ones. Livshiz taken previously for a fictional character has happened to be a real person: we present the data from his personal form testifying that he was an employee of Oprodkomgub in 1920. Paustovsky lived at that time in Odessa with his wife Ekaterina Zagorskaya not mentioned in the story. 2. The establishment of the information department of the Oprodkomgub – as shown in the story – was fictional as well. In accordance with the archival documents Paustovsky got employed by the institution 16-th Feb. 1920 while Golovchiner claimed to be the head of the department entered the Oprodkomgub on the 2-nd of March. The staff timetable is included. 3. The events related to the so-called „day of the peaceful uprising” were shifted from May of 1919 to the spring of 1920. The documents representing the procedure of requisitioning among the population and cancellation of „the peaceful uprising” are included either.

Some fragments were omitted in the following publications. They were restored, however, in the jubilee edition printed by the Literary Museum of Odessa for Paustovsky's 120-th anniversary. Examples are given. The most considerable discrepancy was caused by that the daughter of the artist Kiriak Kostandi insisted that all mentions of her father in „The Mor'ak” newspaper be left out. In the conclusion of the article you can find some extracts from Paustovsky's diaries of 1920–1921 in which some people later to be mentioned in the story are described. It's also noteworthy that author's spirit there is contrast to that optimistic of *The Time of Great Expectations*.

Key words: speculation, fiction, autobiographism, artistic generalization, historical veracity.

Ключевые слова: домысел, вымысел, автобиографизм, художественное обобщение, историческая достоверность.

ЯВОРСКАЯ АЛЕНА ЛЕОНИДОВНА – заместитель директора Одесского литературного музея по научной работе. Тема исследований – литературная жизнь Одессы 1910–1930-х гг. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев книг: С. Гехт «Избранное» (О., 2010), З. Шишова «Сильнее любви и смерти» (Феодосия-Москва, 2011), составитель, автор вступительных статей книг «Влюбленный Валентин. Влюбленный в Валентину» (юношеские стихи В. Катаева и первая публикация писем Е. Петрова, О., 1998), «Где обрывается Россия: Художественно-документальное повествование о событиях в Одессе в 1918-1920 гг.» (О., 2003). Составитель книг стихов: Н. Крандиевская «Свет уединенный» (О., 1999), В. Инбер «Цветы на асфальте» (О., 2000), В. Бабаджан «Из творческого наследия» (в двух томах, О., 2004) «Кирсанов до Кирсанова» (О., 2007), С. Кесельман «Стеклянные сны» (О., 2013) – в трех последних впервые опубликованы не печатавшиеся ранее рукописи из фондов музея и частных архивов. Автор комментариев книг: «И. Ильф. Путешествие в Одессу» (О., 2003), «Одесса в русской поэзии» (Москва, 2009). Автор статей об одесских художниках начала XX века в книгах «Фазини» (2008, Москва), «Одесские парижане» (2006, Рамат-Ган, Израиль). Публикации в научном сборнике музея «Дом князя Гагарина»: Михайло Жук – литератор (совместно с С. Лущиком), Одесский переводчик Р.М.Рильке (вып.1, 1997). Книги и авторы издательства «Омфалос» (вып. 2, 2001). Неосуществленная книга В. Бабаджана (Онуфрий Чапенко. «Марсова дудка»); Материалы к биографии Семена Гехта (вып. 3, 2004). Рукописи Семена Кирсанова в фондах Одесского литературного музея (вып.4, 2007). Письма Семена Кирсанова в фондах ОЛМ; Письма А. Козачинского (вып. 5, 2009). «Дайте мені можливість працювати»: казки М. Жука; Рукописи И. Бабеля в фондах ОЛМ (вып.6, 2011).